Башлачева 16.II.91

Александр БАШЛАЧЕВ: «Мы редко поем, но когда мы поем, поднимается ветер...»

...Надо просто поискать корень своей души. Мы живем на русской земле, и поэтому мы должны искать корень свой, русский. И корень — он даст ствол, а ствол даст ветви, а к ветвям подойдет музыкант. Он ветвь срежет, из коры сделает дудочку и будет на ней играть...

Завтра, 17 февраля, будет три года, как погиб Александр Башлачев. Эти посмертные годы принесли посмертную славу самому вольному и трагическому поэту восьмидесятых. Его биография могла бы состоять из прочерков: не служил, не состоял, не привлекался, не имел, не печатался, не награждался, не выезжал и родственников за границей не имел...

Родился в Череповце в 60-м, на излете оттепели, учился на факультете журналистики Уральского университета в «глухие» годы застоя, погиб 27-летним в самый, быть может, светлый год перестройки.

Все это так. Но все это — схема, обман зрения. Жизнь поэта, да и любого нормального человека, не делится на идеологические этапы. Поэта можно отправить по этапу или посадить под домашний арест, а для него это будет болдинская осень. По историческому расписанию — военный коммунизм, а у него — первый снег.

Башлачев много писал, пел, когда рок-музыкой пугали маленьких детей. Когда стало чуть-чуть можно и где-то, где-то далеко и для него забрезжил светлячок — он замолчал и почти ничего не записал в последний год перед гибелью. «Годы весело гремят пустыми фляжками...».

«Перестроечная литература» оказалась пустыми фляжками, и за ее веселым грохотом мы не услышали одиноких тревожных голосов. Может, Сашины песни-предчувствия услышат сейчас, когда на пороге «Александр-шоу» и комендантский час?

Для наших издателей Башлачев до сих пор проходит по ведомству рок-музыки. «Большая» литература не задушила его, к счастью, в своих объятиях. Два года тужилось одно московское издательство сделать книжку стихов Башлачева. Музыканты, друзья Саши собрали для этого деньги. Книжки до сих пор нет.

Башлачев остался самостоятельной планетой. Слишком самостоятельной для нынешней литературной ситуации, когда всех и вся уже поделили на «своих» и «чужих». Его песни остались в чистом поле.

Песни становятся стихами, когда их некому петь. На бумаге они не защищены голосом — судорожным и нежным,— они стоят перед вами голые, и видна вся их дикая неправильность и гениальная нескладность. Кажется, что слова разбросаны так и сяк, а попробуй сдвинь хоть одно — не сдвинешь.

Книги, воспоминания, легенды, мемориальные «тусовки» и таблички... Посмертное милосердие к поэтам поставлено у нас неплохо. И все-таки: любите поэтов живыми!

Пусть не ко двору эти ангелы
черкорабочие.
Прорвется к перу то, что долго рубить
и рубить топорам.
Поэты в миру после строк
ставят знак кровоточия.
К ним бог на порог.
Но они верно имут свой срам...

Все будет хорошо

Как из золота ведра
каждый брал своим
ковшом
Все будет хорошо
Ты только не пролей
Страшно, страшно
А ты гляди смелей
Гляди да веселей

Как из золота зерна
каждый брал на каравай
Все будет хорошо
Велика казна
Только, только
Ты только не зевай,
бери да раздавай

Но что-то белый свет
в крови
Да что-то ветер за спиной
Всем сестрам — по любви
Ты только будь со мной
Да только ты живи

Только не бывать пусту
Ой да месту святому
Всем братьям — по кресту
виноватому
Только, только подмоги
не проси
Прими и донеси

И поутру споет трубач
Песенку твоей души
Все будет хорошо
Только ты не плачь
Скоро, скоро
Ты только не спеши
Ты только не спеши

1986 г.
(пунктуация авторская).

Я не играю в залах, я не играю больших концертов, я играю тем, кто хочет меня слышать. Тот, кто зовет меня к себе домой, соберет двадцать, тридцать, пятьдесят человек, я играю, меня принимают хорошо. Понимаете, самое главное, когда человек скажет: «Ты спел, и мне хочется жить», мне после этого тоже хочется жить.

В чистом поле — дожди

В чистом поле — дожди
косые.
Эй, нищета — за душой
ни копья!
Я не знал, где я, где
Россия
И куда же я без нея?

Только время знобит,
колотит.
Кто за всех, если дух —
на двух?

В третьей роте без
крайней плоти
Безымянный поет петух.

Не умею ковать железо
я —
Ох, до носу мне черный
дым!
На второй мировой
поэзии
Признан годным и
рядовым.

В чистом поле — дожди
косые,
Да нет ни пропасти,
ни коня.
Я не знал, как любить
Россию,
А куда ж она без меня?

И можно песенку прожить
иначе,
Можно ниточку оборвать.
Только вырастет новый
мальчик
И за нас ему воевать.

Так слушай, как же нам
всем не стыдно?
Эй, ап — спасите ваши
души:
Знаешь, стыдно, когда
не видно
Что услышал ты то, что
слушал.

Стань живым — доживешь
до смерти.
Гляди в омут и верь
судьбе —
Как записке в пустом
конверте,
Адресованный сам себе.

Там, где ночь разотрет
тревога,
Там, где станет
немоготу —
Вот туда тебе и дорога,
Наверстаешь свою версту.

В черных пятнах родимой
злости
Грех обиженным дуракам.
А деньги — что ж, это
те же гвозди,
И так же тянутся
к нашим рукам.

Но я разгадан своей
тетрадкой —
Топором меня в рот
рубите!
Эх, вот так вот прижмет
рогаткой —
И любить или не любить!

А тех, кто знает, жалеть
не надо.
А кровь — она ох, красна
на миру!

Пожалейте сестру, как
брата—
Я прошу вас, а то помру.

А с любовью — да Бог
с ней, с милой...
Потому, как виновен я.
Ты пойми — не скули,
помилуй,
Плачь по всем, плачь,
аллилуя!

На фронтах мировой
поэзии
Люди честные — все святы.
Я не знал, где искать
Россию,
А Россия есть росс и ты.

И я готов на любую дыбу.
Подними меня, милая, ох!
Я за все говорю—спасибо.
Ох, спаси меня, спаси,
Бог!

В чистом поле — дожди
косые.
Да мне не нужно
ни щита, ни копья.
Я увидел тебя, Россия.
А теперь посмотри, где я.

1985 г.

Когда мы вдвоем

Когда мы вдвоем
Я не помню, не помню,
не помню о том,
на каком мы находимся
свете.
Всяк на своем. Но я
не боюсь измениться
в лице,
Измениться в твоем
бесконечно прекрасном
лице.

Мы редко поем.
Мы редко поем,
но когда мы поем,
поднимается ветер
И дразнит крылом.
Я уже на крыльце.
Хоть смерть меня смерть
Да хоть держись меня
жизнь
Я позвал сюда Гром —
вышли смута, апрель
и гроза.

Ты только поверь,
Если нам тяжело —
не могло быть иначе.
Тогда почему, почему
кто-то плачет?
Оставь воду цветам.
Возьми мои глаза.
Поверь — ты поймешь
Как мне трудно раздеться
Когда тебя нет когда
некуда некуда, некуда
деться.
Поверь — и поймешь
То, что я никогда,
Никогда не смогу
наглядеться туда,
Где мы, где мы могли бы
согреться
Когда буде. осень,
И осень гвоздями вколотит
нас в дрожь.
Пойми — ты простишь
Если ветреной ночью
я снова сорвусь с ума,
Побегу по бумаге я.
Этот путь длиною
в строку, да строка
коротка.

Строка коротка.
Ты же любишь сама
Когда губы огнем лижет
магия,
Когда губы огнем лижет
магия языка.
Прости — и возьмешь,
И возьмешь на ладонь мой
огонь
И все то, в чем я странно
замешан.
Замешано густо. Раз так,
я как раз и люблю.
Вольно́ кобелю.
Да рубил бы я сук!
Я рубил бы всех сук,
на которых повешен.
Но чем больше срублю,
тем сильней затяну
петлю.

Я проклят собой.
Осиновым клином
живое, живое, восстало
в груди,
Все в царапинах да
в бубенцах.
Имеющий душу да
дышит. Гори — не губи!
Сожженной губой я шепчу,
Что, мол, я сгоряча, да
в сердцах,
А в сердцах — то я весь,
сердцах,
И каждое бьется об лед,
но поет, так любое
бери и люби.
Не держись, моя жизнь—
смертью после измеришь.
И я пропаду ни за грош.
Потому что и мне ближе
к телу сума.
Так проще знать честь.
И мне пора,
Мне пора уходить следом
песни, которой ты
веришь.
Увидимся утром. Когда
ты поймешь все сама.

1986 г.

Как ветра осенние

Как ветра осенние
подметали плаху
Солнце шло сторонкою
да время стороной
И хотел я жить.
И умирал да сослепу,
со страху
Потому, что я не знал,
что ты со мной
Как ветра осенние
заметали небо
Плакали, тревожили
облака
Я не знал, как жить.
Ведь я еще не выпек хлеба
А на губах не сохла капля
молока.
Как ветра осенние да
подули ближе
Закружили голову.
И ну давай кружить.
Ой-й-й да я сумел бы
выжить
Если бы не было такой
простой работы —
жить
Как ветры осенние
жали — не жалели
рожь
Ведь тебя посеяли, чтоб
ты пригодился
Ведь совсем неважно,
от чего помрешь
Ведь куда важнее, для чего
родился
Как ветра осенние уносят
мое семя
Листья воскресения
да с весточки — весны
Я хочу дожить, хочу увидеть
время
Когда эти песни станут
не нужны.

1985 г.

Рождественская

Крутит ветер фонари
На реке Фонтанке.
Спите, дети... До зари
С вами — добрый ангел.

Начинает колдовство
домовой-проказник.
Завтра будет Рождество,
Завтра будет праздник.

Ляжет ласковый снежок
на дыру-прореху.
То-то будет хорошо,
То-то будет смеху.

Каждый что-нибудь найдет
в варежках и в шапке.
А соседский Васька-кот
спрячет цап-царапки.

Звон-фольга, как серебро.
Розовые банты.
Прочь бумагу! Прочь перо!
Скучные диктанты.

Замелькают в зеркалах
платья-паутинки.
Любит добрая игла
добрые пластинки.
Будем весело делить
дольки мандарина.
Будет радостно кружить
елка-балерина.
Полетят из-под руки
клавиши рояля.
И запляшут пузырьки
в мамином бокале
То-то будет хорошо!
Смеху будет много.
Спите, дети. Я пошел.
Скатертью тревога...

1984 г.

...Я человек поющий. Есть человек поющий, рисующий, есть человек летающий, есть плавающий... А я — поющий, с гитарой... Я, конечно, пою для себя, это помогает мне жить, это делает меня, я расту.

Случай в Сибири

Пока пою, пока дышу,
любви меняю кольца,
Я на груди своей ношу
три звонких колокольца.
Они ведут меня вперед
и ведают дорожку.
Сработал их под
Новый Год знакомый
мастер Прошка.
Пока дышу, пока пою
и пачкаю бумагу
Я слышу звон. На том
стою. А там глядишь —
и лягу.
Бог даст — на том и лягу.
К чему клоню? Да так,
пустяк. Вошел и вышел
случай.
Я был в Сибири Был
в гостях. В одной
веселой куче.
Какие люди там живут!
Как хорошо мне с ними!
А он... Не помню, как
зовут. Я был не с ним.
С другими.
А он мне — пей! — и жег
вином.— Кури! — И мы
курили.
Потом на языке одном
о разном говорили.
Потом на языке родном
о разном говорили.
И он сказал — Держу
пари — похожи наши
лица,
Но все же, что ни
говори, я — здесь, а
ты — в столице.
Он говорил трещал
по шву: мол, скучно
жить в Сибири.
Вот в Ленинград или
в Москву...
Он показал бы
большинству
И в том и в этом мире.
— А здесь чего? Здесь
только пьют.
Мечи для них бисеры.
Здесь даже бабы
не дают.
Сплошной духовный неуют
Коты как кошки, серы.
— Здесь нет седла,
один хомут.
Поговорить — да не с кем.
Ты зря приехал.
Не поймут.
Не то, что там —
на Невском.
— Ну как тут станешь
знаменит —
Мечтал он сквозь
отрыжку.
— Да что там у тебя
звенит,
Какая мелочишка?
Пока я все это терпел
и не спускал ни слова,
Он взял гитару и запел.
Пел за Гребенщикова.
Мне было жаль себя,
Сибирь, гитару и
Бориса.
Тем более что на Оби
мороз всегда за тридцать.
Потом окончил и сказал,
что снег считает пылью.
Я встал и песне подвязал
оборванные крылья.
И спел свою, сказав
себе: — Держись! —
играя кулаками.
А он сосал из меня
жизнь глазами-
слизняками.
Хвалил он: — Ловко
врезал ты по ихней
красной дате.
И начал вкручивать
болты про то, что я —
предатель.
Я сел, белее, чем снега.
Я сразу онемел как мел.
Мне было стыдно, что
я пел. За то, что он
так понял.
Что смог дорисовать
рога, что смог
дорисовать рога
Он на моей иконе
— Как трудно нам —
тебе и мне — шептал он,
Жить в такой стране
и при социализме.
Он истину топил в г...е.
За клизмой ставил клизму,
Тяжелым запахом дыша,
Меня кусала злая вша.
Чужая тыловая вша.
Стучало в сердце.
Звон в ушах.
— Да что там у тебя
звенит?
И я сказал:—Душа звенит.
Обычная душа.
— Ну ты даешь... Ну ты
даешь!
Чем ей звенеть?
Ну ты даешь —
Ведь там одна утроба.
С тобой тут сам звенеть
начнешь.
И я сказал: —
Попробуй!
Ты не стесняйся.
Оглянись. Такое наше
дело.
Проснись. Да хорошо
встряхнись. Да так,
чтоб зазвененело.
Зачем живешь? Не сладко
жить. И колбаса плохая.
Да разве можно
не любить?
Вот эту бабу
не любить, когда
она такая!
Да разве ж можно
не любить?
Да разве ж можно
хаять?
Не говорил ему за строй.
Ведь сам я — не в строю.
Да строй — не строй.
Ты только строй.
А не умеешь строить —
пой.
А не поешь —
тогда не плюй.
Я — не герой. Ты —
не слепой.
Возьми страну свою.
Я первый раз сказал
о том, мне было нелегко.
Но я ловил открытым ртом
родное молоко.
И я припал к ее груди,
я рвал зубами кольца.
Была дорожка впереди.
Звенели колокольца.
Пока пою, пока дышу,
дышу и душу не душу,
В себе я многое глушу.
Чего б не смыть плевка?!
Но этого не выношу.
И не стираю. И ношу.
И у любви своей прошу
хоть каплю молока.

1985 г.

Петербургская свадьба

Звенели бубенцы. И кони
в жарком мыле
Тачанку понесли навстречу
целине.
Тебя, мой бедный друг,
в тот вечер ослепили
Два черных фонаря
под выбитым пенсне.

Там шла борьба за смерть.
Они дрались за место
И право наблевать
за свадебным столом.
Спеша стать сразу всем,
насилуя невесту,
Стреляли наугад и лезли
напролом.

Сегодня город твой стал
праздничной открыткой.
Классический союз
гвоздики и штыка.
Заштопаны гугой, суровой,
красной ниткой
Все бреши твоего гнилого
сюртука.

Под радиоудар
московского набата
На брачных простынях,
что сохнут по углам,
Развернутая кровь,
как символ страстной даты.
Смешается в вине
с грехами пополам.

Мой друг, иные здесь.
От них мы недалече.
Ретивые скопцы. Немая
тетива.
Калечные дворцы
простерли к небу плечи.
Из раны бьет Нева.
Пустые рукава.

Подставь дождю щеку
в следах былых пощечин.
Хранила б нас беда,
как мы ее храним.
Но памятью рается в бой.
И крутится, как счетчик,
Снижаясь над тобой
и превращаясь в нимб.

Вот так скрутило нас и
крепко завязало
Красивый алый бант
окровленным бинтом.
А свадьба в воронках
летела на вокзалы.
И дрогнули пути.
И разошлись крестом.
Усатое «ура» чужой,
недоброй воли
Вертело бог Петра
в штурвальном колесе
Искали ветер Невского
да в Елисейском поле
И привыкали звать
Фонтанкой — Енисей.

Ты сводишь мост зубов
под рыхлой штукатуркой,
Но купол лба трещит
от гробовой тоски.
Гроза, салют и мы! — и мы
летим над Петербургом,
В решетку страшных снов
врезая шпиль строки.

Летим сквозь времена,
которые согнули
Страну в бараний рог
и пили из него.
Все пили за него — и мы
с тобой хлебнули
За совесть и за страх.
За всех. За тех, кого

Слизнула языком
шершавая блокада.
За тех, кто не успел
проститься, уходя.
Мой друг, спусти штаны
и голым Легким садом
Прими свою вину под
розгами дождя.

Поправ сухой закон,
дождь в мраморную
чашу
Льет черный и густой
осенний самогон.
Мой друг «Отечество»
твердит как «Отче наш»,
Но что-то от себя послав
ему вдогон,
За окнами — салют.
Царь-Пушкин в новой раме.
Покойники не пьют,
да нам бы не пролить.
Двуглавые орлы
с побитыми крылами
Не могут меж собой
корону поделить.

Подобие звезды
по образу окурка.
Прикуривай мой друг,
спокойней, не спеши.
Мой бедный друг,
из глубины твоей
души
Стучит копытом сердце
Петербурга.

1985 г.

...Если мне плохо, и ко мне придет кто-то, кому тоже плохо, нам не станет от этого хорошо. Мне не станет хорошо от того, что кому-то плохо. Мне — не станет.

И поэтому нытик — он разрушает, не создает. Но раз он уже ноет, значит, у него уже болит. А раз у него уже болит, то он запоет в конце концов, своей болью запоет он. Потом — о радости, потому что когда человек начал петь песни, это был плач сначала.

Мельница

Черный дым по крыше
стелется.
Свистит под окнами.

— В пятницу да ближе
к полночи
не проворонь, вези
зерно на мельницу!
Черных туч котлы
чугунные кипят
да в белых трещинах
шипят гадюки-молнии.

Дальний путь — канава
горная.
Все через пень-колоду-
кочку кувырком да
поперек.
Топких мест ларцы
янтарные
да жемчуга болотные
в сырой траве.
— Здравствуй, Мельник
Ветер-Лютый Бес!
Ох, не иначе черти
крутят твою карусель...
Цепкий глаз. Ладони
скользкие.
— А ну-ка кыш! — ворье,
заточки-розочки!
Что, крутят вас винты
похмельные —
с утра пропитые кресты
нательные?
...Жарко в комнатах
натоплено.
Да мелко сыплется
за ворот нехороший
колодок.
— А принимай сто грамм
разгонные!
У нас ковши бездонные
да все карты козырные!
На мешках — собаки
сонные
да бабы сытые
да мухи жирные.
А парни-то все рослые,
плечистые.
Мундиры чистые. Погоны
стороты.
Черный дым ползет
из трубочек.
Смеется, прячется
в густые бороды.
Ближе лампы. Ближе
лица белые.
Да по всему видать —
пропала моя голова!
Ох, потянуло, понесло,
свело, смело меня
на камни жесткие,
да прямо в жернова!
Тесно, братцы. Ломит-
давит грудь.
Да отпустили б вы меня...
Уже потешились.
Тесно, братцы. Не могу
терпеть!
Да неужели не умеем
мы по-доброму?
...На щеках — роса
рассветная.
Да черной гарью тянет
по сырой земле.
Где зерно мое? Где
мельница?
Сгорело к черту все.
И мыши греются в золе.
Пуст карман.
Да за подкладкою
найду я три своих
последних зернышка.
Брошу в землю,
брошу в борозду —
к полудню срежу три
высоких колоса.
Разотру зерно ладонями
да разведу огонь
да испеку хлеба.
Преломлю хлеба румяные
да накормлю я всех
тех, кто придет сюда
тех, кто придет сюда
тех, кто поможет мне
тех, кто поможет мне
рассеять черный дым
рассеять черный дым
рассеять черный дым...

1985 г.

...Русский, народный... А что, рок всегда народный... Мы пугались в рукавах чужой формы очень долго, мы приняли ее, как свою,— ведь это очень близко все, очень близко, потому что это плач, а плачут во все времена, во всех странах и с самого раннего детства...

Абсолютный Вахтер

Этот город скользит
и меняет названья.
Этот адрес давно кто-то
тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней
нету зданья,
Где всю ночь правит бал
Абсолютный Вахтер.

Он отлит в ледяную,
нейтральную форму.
Он тугая пружина.
Он нем и суров.
Генеральный хозяин
тотального шторма
Гонит пыль по фарватеру
красных ковров.

Он печатает шаг,
как чеканят монеты.
Он обходит дозором свой
архипелаг.
Эхо гипсовых горнов
в пустых кабинетах
Вызывает волнение
мертвых бумаг.

Алый факел — мелодию
белой темницы —
Он несет сквозь скупую
гармонию стен.
Он выкачивает звуки
резиновым шприцем
Из колючей проволоки
наших вен.

В каждом гимне — свой
долг, в каждом марше —
порядок.
Механический волк
на арене лучей.
Безупречный ганцор
магаданских площадок.
Часовой диск-жокей
бухенвальдских печей.

Лакированный спрут,
он приветлив и смазан,
И сегодняшний бал
он устроил для вас.
Пожилой патефон,
подчиняясь приказу,
Забирает милой
ностальгический вальс.

Бал на все времена!
Ах, как сентиментально...
И паук — ржавый крест —
спит в золе наших звезд.
И мелодия вальса
так документальна,
Как обычный арест
как банальный донос.

Как бесплатные танцы
на каждом допросе,
Как татарин на вышке,
рванувший затвор.
Абсолютный Вахтер —
ни Адольф, ни Иосиф,
Дюссельдорфский мясник
да псковской живодер.

Полосатые ритмы
синклиной на пропуске.
Блюзы газовых камер
и свинги облав.
Тихий плач толстой куклы,
разбитой при обыске,
Бесконечная пауза
выжженных глаз.

Как жестоки романсы
патрульных уставов
И канцонов концлагерных
нар звукоряд.
Бьются в вальсе аккорды
хрустящих суставов
И решетки чугунной
струною звенят.

Вой гобоев ГБ
в саксофонах гестапо
И все тот же калибр
тех же нот на листах.
Эта линия жизни —
цепь скорбных этапов
На незримых и призрачных
жутких фронтах.

Абсолютный Вахтер —
лишь стерильная схема.
Боевой механизм,
постовое звено.
Хаос солнечных дней
ночь приводит в систему
Под названьем... да,
впрочем, не все ли равно.

Ведь этот город скользит
и меняет названья,
Этот адрес давно кто-то
тщательно стер.
Этой улицы нет,
а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал
Абсолютный Вахтер.

1985 г.

◇

И труд нелеп,
и бестолкова праздность,
И с плеч долой все
та же голова,
Когда приходит
бешеная ясность,
Насилуя притихшие слова.

август 1987 г.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Видимо, уже велик соблазн начать писать и читать о Саше Башлачеве материалы, сделанные по принципу «знаете, каким он парнем был», открыть музей, делиться воспоминаниями и делать вид, что все в порядке. Но не так много времени прошло с тех пор, как его можно было видеть на Невском, и не так много лет прошло со дня его последнего «квартирника». Наше сознание не изменилось за три года так, чтобы и его песням стали бы вдруг нужны комментарии. По-моему, все, что может быть понятно, понятно и так. А на то, что не было понятно в свое время, вряд ли прольет свет информация о том, как Саша учился в университете...

Он написал около шестидесяти песен и несколько стихотворений. При жизни не издавался. Было сделано несколько студийных записей: «Третья столица», «Вечный пост» (оригинал уничтожен автором), «Агеевская» (по фамилии звукооператора), «Таганская» (по названию театра, где она осуществилась) и «Новосибирская», оригинал которой утрачен.

Недавно вышли две пластинки: «Время колокольчиков» (звукорежиссер А. Агеев, запись 1986 г.) «Мелодия», 1989 г. и «Третья столица» (запись май—июнь 1985 г., студия А. Вишни, Ленинград) фирма грамзаписи «Апрель» — «Эрио» 90 г.

Были публикации в сборниках. Например, «Голоса молодых», изд. «Советский писатель». 1990 год. К сожалению, в большинстве случаев при публикации допущены серьезные ошибки в текстах.

Настоящая публикация сделана по авторским спискам. Вот, собственно, и все. Остальное — слушайте, читайте.

Настя РАХЛИНА (БАШЛАЧЕВА).
Фото И. МУХИНА.
Полосу подготовили: Д. ШЕВАРОВ, В. ТЕРЕХИНА.